

ЗАКАЛЁННЫЙ СТАЛЬЮ

18+

The background of the cover is a dynamic illustration. On the left, a soldier in a green uniform and cap is shown in profile, aiming a submachine gun. On the right, a firefighter in a brown protective suit and helmet is also aiming a rifle. They are positioned in front of a white wall, with a wooden beam visible on the far left. The ground is covered in green grass. The overall style is realistic and action-oriented.

НОВИКОВ ЕВГЕНИЙ

ЕВГЕНИЙ НОВИКОВ

Закалённый сталью

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Новиков Е. В.

Закалённый сталью / Е. В. Новиков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В первую очередь, это художественная книга, основанная на реальных событиях. Дописав, поймал себя на мысли, что многие читатели, ознакомившиеся с повестью до конца, не поверят в существование тех событий и фактов, что приведены в повести. Однако, приложив немного усилий, можно найти и воспоминания участников, и документальные источники - как наши, так и немецкие - и убедиться в правдивости пересказанных событий. Почему я уверен в том, что найдется множество тех, кто не поверит в реалистичность описываемых событий? Даже в книгах жанра "альтернативная история", где главные герои совершают сотни невероятных подвигов, редко можно встретить что-то подобное тому, что было в конце 1942 года под Сталинградом. И я, как автор, буду рад, если после прочтения найдутся те, кто решит перепроверить события повести, ведь тогда они приоткроют очередную страницу истории Великой Отечественной войны, с её тяготами и подвигами, которые выходят за грани любой фантазии.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

– Обращайтесь!

– Командир третьей роты, старший лейтенант Арефьев сказал, что вы добровольцев набираете на штурм высоты.

– Ну, допустим. Вы, что ли, добровольцы?

– Так точно!

Три красноармейца стояли перед командиром первой роты Кузнецовым и смотрели на него снизу вверх. Высокий старлей был практически на голову выше их, да еще широкоплечая богатырская фигура, будто, зрительно усиливала эту разницу. Он внимательно осмотрел добровольцев – парни девятнадцати-двадцати лет, молодые еще. Горячие и, скорей всего, безрассудные. Такие с криками «Ура!» на танки не задумываясь пойдут, а в его деле нужна холодная голова.

– Набрал уже, больше не требуются. Можете возвращаться в расположение своей роты.

Двое бойцов, было, начали поворачиваться, но один остался стоять неподвижно:

– Товарищ старший лейтенант, может пригодимся? Много – не мало. – красноармеец говорил с некоторым едва различимым говором, показавшимся Кузнецову знакомым

– Боец, ты откуда будешь?

– Почти из этих мест, из Курска, километров 200 отсюда.

– Кхм, – улыбнулся старший лейтенант, – значит, земляк. То-то я смотрю говор знакомый. Я из – под Горшечного. Слышал про такое?

– Никак нет.

– Вот что, земляк. Давай забирай сослуживцев и бегом в расположение. Доложишь Арефьеву, что группа набрана, больше никого не требуется.

Двое красноармейцев повернулись, чтобы выполнить приказ, но упрямый красноармеец так и остался на месте:

– Товарищ старший лейтенант, я именно к вам в группу хочу. Возьмите, не пожалеете. Я и немецкий в школе учил.

– Soldat – Ich befehle Ihnen, zum Dienstort zu gehen! (Солдат, приказываю вам уйти в расположение!) – с улыбкой сказал Кузнецов

– ja (да) – слегка краснея, ответил красноармеец, явно не понявший командира и оставшийся стоять на месте.

Кузнецов расхохотался. Двое бойцов, пришедших с этим земляком старлея заулыбались, поняв, что их сослуживец опростоволосился, а сам он готов был провалиться сквозь землю от стыда.

– Как фамилия, красноармеец?

– Гаврилов, товарищ старший лейтенант!

Внезапно, командир прекратил улыбаться, посерьезнел и переспросил:

– Как?

– Красноармеец Гаврилов!

Кузнецов задумался, постоял несколько секунд и так же серьезно спросил:

– У тебя родственники под Брестом не служили в том году?

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант! Братья младшие, – им еще рано, отец давно отслужил, а дядек всех не помнишь, кто, где и когда службу нес.

– Ладно, красноармеец Гаврилов, пошли со мной. Остальным – кру-у-у-гом и бегом в расположение своей роты. Старшему лейтенанту Арефьеву скажите, что Гаврилова я забрал.

Шли какое-то время молча. Кузнецов погрузился в свои воспоминания, тяжелые и тревожные, а красноармеец, семенивший рядом, ели поспевая за широкими шагами командира, предавался мечтам.

Старший лейтенант Кузнецов был известен во всем батальоне как смелый и решительный командир. За своих бойцов всегда стоит горой, а о их подвигах легенды слагают во всей дивизии. Что не выход – так и задачу выполняют, и «языков» приводят, и кучу трофейного оружия приносят. Да не просто «языков», а большей частью офицеров. При этом потери если и есть, то не большие. Раненых не бросают, даже в безнадежной ситуации. У многих бойцов его роты есть медали и ордена. И все заслуженные. Каждому хочется к нему попасть, да не у всех выходит. А его, Гаврилова, взял. Значит приглянулся чем-то.

Тишину прервал Кузнецов:

– Майор Петр Михайлович Гаврилов. Лет сорок ему должно быть – не знаешь такого?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, – немного подумав ответил красноармеец.

– Жаль. Очень жаль, боец. Я, грешным делом, подумал, может родня. – как-то печально произнес старлей

– А кем он вам приходится, товарищ старший лейтенант?

– Просто хороший человек, служили вместе.

Кузнецов помолчал еще несколько минут.

– Вот что, Гаврилов, в шесть собираю всех у себя. Объясню задачи. Вон, у костра, мои ребята сидят, давай к ним, пообщаешься. Сейчас подведу, познакомлю, чужие у них не в почете, но не теряйся, бойцы все хорошие и люди замечательные. Вам еще пуд соли ночью съесть придется. А как вернемся – так и подумаем, оставлять тебя, или обратно отправить.

В восемнадцать часов вокруг костра собралось порядка сорока человек из состава 622-го стрелкового полка. Все добровольцы. Большой частью из роты Кузнецова, лишь восемь человек было из других подразделений, хотя некоторые из них не в первый раз входили в состав его группы.

Апрель в этом году выдался достаточно прохладным. Местами еще лежал темный снег, поэтому красноармейцы подсаживались поближе к костру. Старший лейтенант Кузнецов осмотрел всех и, поздоровавшись, приступил сразу к делу:

– Товарищи красноармейцы! Ни для кого не секрет, что атака второго батальона на высоту 175,1 сегодня захлебнулась. Немцы хорошо окопались, имеют в распоряжении несколько минометов и пулеметов, да ко всему еще мобильный резерв, ударивший днем во фланг нашей пехоте. Как итог – второму батальону пришлось отойти с большими потерями.

Высоту надо взять во что бы то ни стало. Наступление нашего полка остановлено уже более, чем на сутки. Если фрицы подтянут сюда резервы, то мы их потом неделю не выкурим.

Что я предлагаю? С трех сторон склон достаточно пологий и основные укрепления у них сосредоточены там. С северо-востока же, высотка предстаёт чуть ли не отвесной стеной. Забраться там сложно, тем более по влажной почве, а значит там нас не ждут.

Разделимся на группы по два-три человека. Выступаем в два часа ночи. С собой берем только трофейные автоматы, благо у меня в роте они есть в избытке. Но огонь открывать только в самом крайнем случае. В окопы надо заползти бесшумно. А дальше – штыки и ножи. Брать их надо тихо. Поэтому оружие и берем немецкое – если придется стрелять, то пусть остальные слышат только свои родные выстрелы. Авдеев?

– Я, товарищ командир! – отозвался один из бойцов его роты

– Тебе со своим отделением первыми идти. Я с вами пойду. Ты уже опытный в этом деле. Сработать надо так, чтоб даже часовые умирали бесшумно.

– Сделаем, командир!

– Впереди идут бойцы первой роты. Не идут, а ползут. Взлетела осветительная ракета – вжались в землю и ни единого движения. Человека под светом этой ракеты практически не видно, если он неподвижен, а вот шевеление заметно отлично. Да и немцам, чтоб вниз под таким углом посмотреть – придется свешиваться, а к ночи внимание притупится.

Все остальные выдвигаются только по сигналу. До этого лежите в лесу и прикидываетесь ветошью. Трофейных «шмайсеров» и карабинов у нас достаточно, пойдете тоже с немецким оружием. Авдеев, обучи их как пользоваться, как перезаряжать. У кого какие вопросы?

– Товарищ старший лейтенант, вопрос не по делу, но, может, молодого оставим?

Кузнецов посмотрел в сторону Гаврилова, который стал оборачиваться, чтоб рассмотреть лицо того, кто засомневался в нем. Понятно, что под словом «молодой», могли иметь ввиду только его. И виной тому вряд ли возраст. Старлей ненамного старше – двадцати трех еще нет, но сильно уж Гаврилов отличался комплекцией от этих богатырей.

Во время своего выступления, Кузнецов несколько раз кидал на него взгляд – слушал внимательно, но ни толики страха или сомнения во взоре красноармейца не промелькнуло. Только решимость.

– Он во второй волне пойдет. Пусть учится, – немного подумав, ответил командир. И продолжил, – Авдеев, если со мной что случится – командовать группой тебе.

– Есть!

И это было странно для тех, кто пришел в группу из других подразделений. В группе было несколько сержантов, но за себя Кузнецов оставлял младшего сержанта. Ни один из сержантов даже бровью не повел, то есть такое происходило не в первый раз. Действительно, странные у них порядки.

Как только командир ушел, один из тех, кто пришел добровольцем, повернулся к Авдееву:

– Товарищ младший сержант, разрешите обратиться? – Красноармеец Пелипенко.

– Федор. Видишь, командира нет, можешь по имени обращаться, без чинов и регалий.

– Понял. А у вас всегда так?

– Как так? – с недоумением переспросил Авдеев

– Командир подробно излагает план атаки. А вдруг кто к немцам перебежит и возьмут нас там тепленькими?

– Радует, что у вас есть понимание осторожности. Тогда не удивитесь и дальнейшим действиям. Все, кто не с первой роты сейчас пойдут вон в ту землянку, – показал младший сержант рукой, – там расскажу по вооружению и после этого у вас отбой. У входа будет стоять караульный. До подъема никто не выходит. Подъем в час. А касаясь того, что он все так подробно разжевывает и в рот складывает – первое время мы тоже дивились. Но со временем поняли, что если каждый боец знает и свою задачу, и задачу группы, и общий план боя, то меньше ненужной суеты и недопонимания на месте. Не просто – бегом в атаку, не отступать и не сдаваться. А что делаем, как, почему и зачем. Перебежчики были, с тех пор и перестраховываемся. Присматриваем за теми, кто у нас недавно.

– Просто план какой-то, – красноармеец помедлил, подбирая слова, – безумный. Заползти к немцам, взять их в ножи, да еще с трофейным оружием зачем-то... там, где батальон днем не смог...

– Не дрейфь, боец. Вы до сигнала в лесу полежите, остальное пока не ваша забота. А оружие немецкое – чтоб если стрелять придется, то те немцы, что услышат, думали, что это они по нам стреляют, а нашего оружия звучать не будет. Мало ли куда там фрицы палят ночью, в ответ же никто не стреляет, значит на бой не похоже, может, почудилось. Мы такое уже проворачивали.

Гаврилов слушал и все больше удивлялся. Боялся ли он? Конечно боялся. Еще как... Но непонятный азарт захватил его разум. Ему хотелось непременно быть рядом с теми, кто способен даже в мыслях воплотить план Кузнецова в реальность. А уж на деле... Но было и понимание, почему его не берут в первых рядах на высотку – вот уж, действительно, молодой. И, несмотря на страх, ему хотелось пусть не сегодня, но со временем, начать ходить в рейды в этом подразделении. Юношеский максимализм, помноженный на азарт, уже затмевал страх,

отодвигая его все глубже и, видя, как спокойно обсуждали бойцы первой роты план Кузнецова, приходило понимание – эти люди знают, что могут все...

Сорок минут прошло с тех пор, как бойцы первой роты бесшумно ушли в сторону высоты. Гаврилов лежал в какой-то ямке в лесу и пытался взглянуть туда, где сейчас, возможно, уже идет бой. Мокрый снег пропитал всю одежду, но красноармеец боялся даже пошевелиться, будто его движение смогут услышать немцы. Некоторое время назад взлетела очередная осветительная ракета, но бойцы «второй волны», как их назвал Кузнецов, не увидели под ее сиянием абсолютно ничего – поначалу пытались всматриваться, но тот же холм, те же очертания, никаких движений. Лишь на самой высотке несколько раз промелькнули, под светом луны, какие-то фигуры, вероятно, фрицы ходят по окопам, пытаются согреться. И тишина. Значит пока не обнаружен никто. Иначе б уже стрельбу открыли. Хорошая тишина...

А в это же время, там, на высоте 175,1, ставшей камнем преткновения в дневной атаке второго батальона, часовые уже лежали на дне окопа. Кто-то уйдя в вечный покой, кто-то же ожидая своей дальнейшей участи, без сознания, связанный и с кляпом во рту. Чуть влажная земля позволяла действовать практически бесшумно. Бойцы первой роты перемещались по окопам как тени. Миновав часовых, практически интуитивно разделились на две группы, после чего одна устремились к землянкам и палаткам, другая же продолжала двигаться вдоль окопов. Несколько человек заведомо выдвигались в немецкой форме и шли теперь впереди группы поверху. Отличное знание немецкого позволяло, в случае чего, отвлечь внимание фрицев каким-нибудь вопросом, после чего основная группа бесшумно делала свое дело. Именно таким образом, Кузнецов уже два раза подходил к замерзшим часовым вплотную, отвлекая их дурацкими вопросами, после чего несколько человек налетали на них и, вырубив сначала прикладами, добивали ножами и штыками.

То ли от холода, то ли от нервного напряжения, Гаврилова начало колотить. Больше часа минуло со времени ухода Кузнецова. Внезапно короткая автоматная очередь разорвала тишину и эхом пронеслась за горизонт. Тут же, ей в след, ушла еще одна и еще. Разрыв гранаты. Снова короткая очередь. Гаврилов попытался вскочить, чтоб побежать на помощь первой роте, но тяжелая рука, опустившаяся ему на плечо, не дала даже пошевелиться. «Сиди, малой, не дергайся, без нас разберутся» – раздался грозный шёпот у него над головой. «Измайлов» – понял красноармеец, невысокий татарин из первой роты, которого Кузнецов оставил с ними, чтоб координировать их действия, в случае чего. На холме загорелся фонарь и тут же погас. Снова вспыхнул. Так четыре раза. Отлично. Наша высота.

– А вот теперь бегом! – скомандовал Измайлов.

Со всех сторон стали подниматься красноармейцы «второй волны» и бегом перемещаться к высотке. «Взяли, все-таки взяли, – крутилось в голове у Гаврилова, – двадцать восемь человек смогли то, что не смог батальон, пусть и недоукомплектованный»

Поднявшись наверх, Гаврилов увидел сюрреалистическую картину – немецкий солдат командует нашим бойцам, перемешивая русские слова с матом, куда устанавливать захваченные минометы и пулеметы. Присмотревшись, понял – Кузнецов. Несколько человек сводили в кучу немецких солдат, некоторых, не пришедших в сознание, приходилось подтаскивать.

– Малой, давай в окоп, чего смотришь, – раздался за спиной голос Авдеева.

Гаврилов спрыгнул вниз, где два красноармейца быстро прижали его к земле и стали объяснять его сектор обстрела. За спиной продолжалась беготня и негромкие окрики, красноармейцы уже подтаскивали к минометам заряды. А впереди все было так же спокойно. С немецкой стороны не было никаких движений или звуков. Наверно, слышали, что стреляли только немецкие автоматы, поэтому не придали этому значения.

– Бинт есть? – раздался голос сверху

– Так точно, – ответил полупшепотом Гаврилов и потянулся в карман, – перевязать?

– Давай. – ответил тот же голос и сверху спрыгнул крупный боец в немецкой форме. Поначалу красноармеец от него отпрянул, но присмотревшись, увидел улыбающееся лицо бойца, который вечером, при постановке задачи, сидел от него неподалеку.

– Куда ранило? – переспросил Гаврилов, доставая грязный бинт

– Да не ранило, сам порезался об немецкий штык, – ответил «немец», протягивая руку.

– Лихо вы их тут...

– Не переживай, малой, на твою долю тоже хватит, сейчас светать начнет, полезут со всех щелей, только отстреливать успевай

Справа, метрах в десяти от Гаврилова, еще два человека спрыгнули в окоп. Рассмотреть кто это, было трудно – не видно не зги, но по очертанию формы, красноармеец увидел, что один из них, так же, был в немецкой форме.

– Авдеев, выдели пятерых, пусть отводят пленных, – раздался оттуда голос Кузнецова, – сколько их, кстати?

– Тридцать шесть. Два офицера. – ответил ему голос Авдеева

– Того офицера, что на связь выходил и доложил, что все нормально – оставь, он нам еще пригодится, что по нашим потерям?

– Один ранен, в плечо, хочет остаться с нами.

– Пусть он, как раз, в этой пятерке и уходит. У меня тут каждый здоровый боец на счету.

– Есть.

– Минометы установили? Работать с них смогут?

– Все четыре, вроде, в рабочем состоянии. Сложного ничего нет, выделил людей, сообщают.

– Хорошо, сам к ним подойду, объясню, что к чему. – немного помедлив сказал Кузнецов, – О, Гаврилов!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Пленных пойдешь сопровождать?

– Товарищ старший лейтенант, разрешите на позициях остаться.

– Авдеев, пусть молодой здесь остается. Давай, иди организуй доставку «языков» и пусть мне связь с полком установят.

Младший сержант практически бесшумно выполз из окопа, а командир подошел ближе к Гаврилову:

– Ну что, боец, не боишься? Сейчас попрут дуром на нас

– Есть немного, товарищ старший лейтенант, но я не подведу, обещаю.

– Это хорошо, что «есть», а еще лучше, что «немного», – полушутя заметил Кузнецов, – только дурак не боится. Тебя как звать-то?

– Семен.

– Вот что, Семен, немецкий автомат освоил?

– Так точно, вечером попробовал пострелять, перезаряжал, даже разбирал-собирал, младший сержант Авдеев обучил.

– Мы у немцев парой пулеметов разжились. Пулеметчик у меня есть добротный. Будешь у него ленту набивать. Распроси его подробно о том, как с него стрелять, как целиться, чтоб, если что, заменить смог и, самое главное, как ствол менять. Есть у немецких пулеметов такая особенность, он расскажет и покажет. Будете на этой позиции, очень уж хорошо она расположена.

Спустя десять минут над головой Гаврилова раздался басовитый голос:

– Ты, что ль, у меня заряжающим будешь?

– Так точно!

– Иван! – спрыгнул не высокий, но широкий в плечах красноармеец

– Семен!

– Вот что, Сёма, давай сразу к делу, а то фрицы придут, не дадут времени разобраться.

Пулеметчик объяснял все доступно, показывал, заставлял Гаврилова по нескольку раз вынимать и ставить ствол, менять ленту, набивать ее. Когда занятие было закончено, откинувшись на стенку окопа и спросил:

– Сёма, ты как к нам попал-то?

– Добровольцем. Командир роты вызвал добровольцев, я и вышел.

– Просто командир обычно не берет таких как ты, шупловат...

Гаврилов промолчал. Он и сам не понимал, чем так приглянулся Кузнецову. Не объяснять же, что земляк, да и фамилия, почему-то, удачно пришлась... Хотя вряд ли это были истинные причины. Посидели некоторое время молча.

– Вань, а ты в первой роте давно служишь?

– Да, почитай, три месяца. Поначалу командир меня не брал на подобные задачи, заслужить надо было. А тебя, вон, в первый раз и сразу сюда, знать приглянулся.

– Заслужить? – удивленно переспросил Гаврилов

– Ну да, старлей всех подряд не берет, только проверенных. Как «язык» нужен, так Кузнецова и отправляют. Он шестерых уже лично словил, а группой больше трех десятков доставили. В целости и сохранности, все, как один, разговорчивые, – улыбнулся пулеметчик.

– Лихо вы высоту взяли. Мы, до автоматной очереди, ни звука не слышали.

– Лихо было б, если б и очереди не было. Немцы почти сразу звонить потом начали. Благо, Авдеев с Кузнецовым к этому времени сговорчивого фрицевского офицера нашли, тот и передал, что все нормально.

– Просто я пока ни разу в рукопашной не был. Даже не представляю, смогу ли живого человека заколоть.

– А тебе пока и не надо. Ленту заряжай проворней – вот и вся наука. Если у нас останешься, то всему научат. Командир у нас хороший. Тяжко с ним, конечно, свободного времени практически не бывает – то упражнения какие затеет, то разборка-сборка немецкого оружия от пистолета до миномета, да стрельбы из всего этого, то немецкие слова заставляет учить, то по тылам бродим. Первое время дико было все это. Взбрыкнуть пытались на его учебу. Но быстро всех к ногтю прижал. На расправу он скор, хотя и справедлив. Ты не смотри, что он со всеми «свой в доску», если надо – мало не покажется.

– Да меня на собрании удивило, когда он сказал всех автоматами немецкими вооружить, – сказал Гаврилов, – а сейчас понимаю, что не зря, да и сейчас у нас из вооружения пулемет немецкий, а ты, вон, пользоваться уже умеешь.

– Это еще что. Мы как-то по тылам ходили, так мало того, что всех в немецкую форму одел, так и разговаривать в лесу, где на пару верст никого вокруг, вслух только по-немецки приказал. А я тогда на этом басурманском только и знал «хенде хох» и «я воль», вот и шел, «яволькал» иногда.

Так и болтали два красноармейца. Лес на горизонте медленно наполнялся светом, предвещая новый день, готовящий очередной бой. Гаврилов расспрашивал словоохотливого Ивана обо всем, для себя твердо решив, во что бы то ни стало, попасть в роту Кузнецова. Насколько он знал, подобные случаи были в полку не редкостью. Командиры переводили в его роту тех, кого он хотел. Непонятно, как он этого добивался, но, если боец приглянулся, глазом не успеешь моргнуть, а уже в первой роте служит. Оставалось только не упасть в грязь лицом и показать себя перед новым командиром достойным этой чести.

Окончательно рассвело. На позицию Гаврилова несколько раз подходил Кузнецов, расспрашивал все ли он понял в работе с немецким пулеметом, заставил несколько раз разобрать и собрать его, набить участок ленты, поменять ствол. Приказал тренироваться заряжать ленту так, чтоб с закрытыми глазами все получалось молниеносно.

Красноармейцы, которые отводили пленных немцев, давно вернулись и привели подкрепление из состава первой роты. Еще двадцать три человека. Основные силы полка готовятся ударить с севера, а их высота необходима, чтоб отвлечь внимание на себя. Немцы пойдут в атаку на нас, пытаясь вернуть утраченные позиции. Как только максимально сосредоточим внимание на себе, тогда и полк ударит по фрицам с фланга. Оставалось только выманить их.

Иван, сходя за сухпайком, со смехом рассказал, что на очередной звонок от фрицев ответил уже сам Кузнецов, предложивший им сначала сдаться, а потом, на их возмущение, долго костерил отборной немецкой бранью, где «швайне» было самым мягким из выражений. После фразы о том, что примет у них капитуляцию только после того, как они приползут сдаваться в исподнем, – они отключились. Но он перезвонил... И еще какое-то время объяснял, что они некультурная нация, раз бросают трубку, не дослушав собеседника, что он с удовольствием преподаст им несколько уроков хорошего тона. Потом просил прислать несколько человек, чтоб забрать обгаженные подштанники тех, кто оборонял эту высоту. Немцы отключились после фразы, что подштанники эти они могут использовать вместо своего боевого знамени, и больше на связь не выходили.

Вероятно, рассказ быстро разлетелся по окопам – то тут, то там, периодически, раздавался хохот красноармейцев. Гаврилов сам от души посмеялся над подробным пересказом Ивана. Насколько рассказ был правдивым, да и были ли на самом деле подобные переговоры с немцами, уже никого не интересовало. От человека к человеку, он, как снежный ком, обрастал все новыми подробностями и новыми выражениями, которые, якобы, заворачивал Кузнецов в адрес немецкого штаба. Да и имеет ли значение правдивость этой байки, если красноармейцы в окопах, будто сбросив тяжеленный груз с души, с улыбками ожидали атаки фрицев.

Гаврилов с пулеметчиком наскоро перекусили. Минут через двадцать к ним снова подошел Кузнецов. Спрыгнув в окоп, спросил:

– Не спите?

– Никак нет, товарищ командир! – бодро ответил Иван.

– Вань, смотри, пленные утверждают, что с артиллерией у немчуры на этом участке туго.

Но начнут, скорее всего, минами накрывать, минометов у них в достатке. Гаврилова научи укрываться. В соседнем селе, вроде, стоит у них танковая рота. При полном штате, это девятнадцать танков. Все на нас, естественно, не кинут, но, может, что и перепадет. Оптимально им на высоту забираться – как раз через твою позицию. Гранат у нас мало, бутылок, так и нет, вовсе. Да и те, что есть, в основном, «колотушки» – толку от них против танков никакого. Если попрут – людей я перекину, но твоя задача – сбивать пехоту. Танки без поддержки – груда металла. Остается только гусеницы гранатами сбивать. На танки не отвлекайся, отсекай пехоту. Постоянно. Чтоб за броней ни один фриц не прошел. Дальше не ваша забота.

– Понял, командир, сделаем.

– По пехоте открывай огонь издалека. Наша задача – выманить их как можно больше на себя. Чем яростнее они по радиации будут визжать о том, что нуждаются в подмоге, тем нам же и лучше. Позицию меняй постоянно. Не засиживайся. Запоминай еще – вон в том лесочке, – указал Кузнецов рукой направление, – припрятаны у меня полтора десятка бойцов. Как немчура с опушки выйдет, под их огонь попадет. Наступать оттуда немцам не удобно, а для засады по наступающим – самое оно. Не постреляй их ненароком.

– Понято, товарищ старший лейтенант! – бодро ответил пулеметчик улыбаясь.

– Ну все, бывайте! – скороговоркой пробурчал Кузнецов и пошел по окопу дальше инструктировать.

Прошло еще какое-то время. Гаврилов начал дремать на дне окопа с пулеметной лентой в руках, как услышал голос пулеметчика, явно обращенный к нему:

– Долго немцы молчат. Время уже к десяти близится, а от них тишина. Забыли, что ли про нас?

– Как же, забудут они, – сурово пробурчал Семен, злясь на себя, что поддался власти сладкой дремоты.

– И то верно, – зевнув, медленно произнес Иван.

Ночь забрала массу физических сил и человеческий организм, так или иначе, не может долго находиться в напряжении. Поэтому Гаврилов снова начал дремать, несмотря на озноб, хотя и пытался себя всячески взбодрить. Глаза смыкались, в какой-то момент ловил себя на мысли, что спать никак нельзя, вздрагивал, немного поворачивался, либо занимал иное положение, пытался отвлечь себя мыслями о предстоящем бое, но все повторялось заново.

За спиной внезапно ухнуло и раскат разрыва пронесся по высоте. От неожиданности Гаврилов даже подскочил в окопе. Разрывы буквально покатались по позициям то тут, то там. Семен вжался в стенку окопа, накрыв голову руками, как учил пулеметчик. Где-то из-за спины, среди свиста мин и гула разрывов донеслись стоны и крики. Немцы утюжили высоту старательно. За десять-пятнадцать минут, казалось, не осталось и метра земли, не тронутого минами.

Гаврилову уже приходилось бывать и под огнем артиллерии, и под авианалетом. Страх, естественно был, но не такой, как в первый раз. Хотя и таких плотных разрывов не было – высота сама по себе не такая уж и широкая, поэтому кучность была высокой. Внезапно справа застрочил немецкий пулемет. Семен повернул голову – Иван уже свесился из окопа и прицельно, короткими очередями начал по кому-то стрелять. Гаврилов попытался высунуться посмотреть, но тут же получил удар ногой в бок от пулеметчика: «Сиди, малой, твое дело – ленты заряжать, здесь без тебя разберемся». Семен достал из ящика вторую ленту и приготовился подать. Ленты достаточно короткие – всего на пятьдесят патронов. Иван рассказывал, что у немцев есть специальные станки для их заряжания, но сподручней вручную. Быть может, просто не привыкли. Что интересно, фрицевские ленты можно соединять между собой, но Иван категорически отказался это делать, сказав, что ему так удобней.

К ногам Гаврилова упала пустая лента с характерным металлическим лязгом. И он, отряхнув от хода боя, приступил к привычной работе. Пулеметчик сменил позицию и уже был в пятнадцати метрах от Семена. Разрывы мин прекратились. И справа, и слева трещали немецкие автоматы и несколько пулеметов – пара немецких и еще два «Дегтяря», которые принесло пополнение. Иван рассказывал, что автоматы у немцев еще большая редкость, чем у нас. И достать их было проблемой. Знатно поживились они, когда в разведке нарвались на небольшую колонну. Командир решил вступить в бой, чтоб не возвращаться с пустыми руками, вот там и разжились, да еще и в плен смогли взять какого-то интенданта.

– Ленту! – раздался бас пулеметчика.

Иван схватил из ящика целую и, практически на четвереньках, отнес ему. Ту, что Иван сбросил в прошлый раз, набить еще не успел. По пути назад, схватил пустую. Несмотря на тренировки, зарядание ленты дело непростое, требующее определенной сноровки и привычки. Да и патрон не всегда хочет защелкиваться, надо приложить определенные усилия.

Иван подбежал назад, на старую позицию. Лента снова была пуста, а Гаврилов только заканчивал снаряжать первую. Семен поднял на него глаза, на которые чуть ли не слезы наворачивались от обиды – он пытается все делать максимально быстро, но не получается. Сноровки не хватает. Пулеметчик уже три расстрелял, а он и одну зарядить не может.

– Ладно тебе, не торопись, – улыбаясь произнес Иван.

Семен посмотрел по сторонам – выстрелы стихали и раздавались все реже.

– Отошли?

– Ну, конечно, они под такой шквал попали, что там любой бы отошел. Без брони им делать нечего. Или минами будут закидывать, пока не перепашут здесь все, или танки будут подтягивать.

Семен устало откинулся на спинку окопа.

– Ты забивай, забивай, отдохнуть успеешь, – улыбаясь произнес пулеметчик.

Присел рядом, достал из кармана портсигар, из него папиросу и, дрожащими пальцами, прикурил.

– Будешь?

– Нет, спасибо, не курю

– Да я тоже не курю. Тряску с рук сбить – буркнул Иван и закашлялся.

Спустя несколько минут пулеметчик ушел к командиру. Гаврилов же продолжал снаряжать ленты. Его распирало любопытство – хотелось выглянуть из окопа, посмотреть, много ли немцев осталось лежать на подступах, но для себя решил – сначала дело, только потом потешит любопытство.

Убитых и раненых немцев лежало внизу достаточно много. Все вдалеке, видно, атака захлебнулась на корню – вышли из леса после минометного обстрела и попали под шквальный огонь. Прав был Иван, без поддержки бронетехники подойти им сложно будет. Вся низина была как на ладони. Нам же и лучше.

Вернулся пулеметчик. Рассказал, что семеро ранены. Пятеро легко, двое тяжелых. Командир приказал им уходить в расположение полка. Кузнецов предполагает, что это была разведка боем и сейчас немцы подтянут основные силы. Высота нужна им как воздух. В их интересах сбить нас отсюда как можно быстрее.

Ваня поделился немецкими галетами. Ночью затрофеили. Абсолютно безвкусные. Гаврилов съел пару штук, больше не стал. Кусок в горло не лез. Снизу иногда раздавались стоны и крики на немецком. Раненые фрицы пытались позвать на помощь. В их сторону никто не стрелял. Не то, чтобы соблюдали какие-то конвенции, просто никому до них не было никакого дела. Умрут – значит туда им и дорога. Отвлекаться же на них было никому не охота. Можно было бы попытаться спуститься, собрать гранаты и оружие, их ротный, Арефьев, вероятно, так бы и приказал сделать, но Кузнецов твердо запретил всем покидать позиции.

– Ну что, Сем, подкрепились, теперь и повоевать можно?

– Да разве ж я воевал? Ленту набивал, даже не видел, что там происходит.

– Погеройствовать еще успеешь. За каждым героем стоит несколько человек, которые выполняют незаметную, на первый взгляд, работу. Но без этой работы и героев не будет.

– Одни играют на пианино, а другие его носят. Так, что ли?

– Кхм... хорошо сказал, надо запомнить. По сути, так, – улыбнулся пулеметчик, – твое время играть тоже придет. Не торопись.

– Да это не я сказал. Слышал где-то. Вспомнилось. Да и не тороплюсь. Я за эти сутки, что с вашей ротой нахожусь, будто за школьной партой себя чувствую. И на войне, вроде, не первый день, но смотрю на вас и диву даюсь. Вроде, в одном полку служим... А будто в разных, все по-другому. И если вчера меня злило обращение «Малой», то сейчас понимаю, что оно очень точное, применительно ко мне.

– Ладно тебе, Сёма, не обижайся на ребят... Отдохнул и будет. Тренируйся дальше ленту набивать. Без тебя никто пианино не занесет, – засмеялся Иван, – придут фрицы, а нам и сыграть то им не на чем, потому как Гаврилов не донес вовремя инструмент.

Ближе к полудню показалось, что земля начала подрагивать, будто небольшое землетрясение пробежало по округе. Чуть позже из лесочка стало доноситься тархтение танковых двигателей, и почва под ногами начала вибрировать куда ощутимей.

– Вот и дождалось, – буркнул пулеметчик.

Немцы начали снова с минометного обстрела высоты. Гаврилов с Иваном вжались в дно окопа, обхватив голову руками. Накрывали плотно. Несколько раз казалось, что мины свистят

прямо на них, но грохало совсем рядом. Пулеметчик несколько раз выглядывал из окопа и снова падал обратно. Значит, не двинулись пока.

Со стороны леса взревело несколько двигателей, даже сквозь шум разрывов, было отчетливо слышно, что танки выдвинулись. Ваня подполз к пулемету и прицелился. Замер. Минометный обстрел все не прекращался. Гаврилов уже не пытался встать и выглянуть из окопа. Он достал следующую ленту и приготовился передать ее Ивану, как только потребуется. Пулеметчик ждал. Лязганье гусениц, между грохотом разрывов, доносилось все четче. По звуку казалось, что танки уже в сотне метров перед позициями. Семе жутко хотелось привстать и выглянуть, чтоб своими глазами увидеть происходящее, хотя бы понять, сколько танков на них движется, но четкое осознание того, что каждый должен делать свою работу, удерживало его на месте.

Застрочил пулемет. Справа еще один. Стали слышны автоматные очереди и одиночные ружейные выстрелы. Минометный огонь же затихал. Боялись немцы своих зацепить. Ваня стрелял короткими очередями. Постоянно переводя ствол то влево, то вправо. Минуты не прошло, как первая лента с лязгом ударила под ноги. Он вырвал из рук Гаврилова следующую и перебежал влево. Сёма уже стал набивать пустую. За спиной ухнуло. Со стен окопа и сверху посыпалась земля. Видно, один из танкистов решил первый снаряд послать как раз по пулеметчику, который одним из первых себя обнаружил. Гаврилову показалось, что шум боя, эта какофония тяжелых и свистящих звуков, наполненная гулом от разрывающихся снарядов, резко стихла. Да, еще слышны были отдельные разрывы, но значительно тише. По ноге что-то ударило. Сёма приподнял голову и увидел, что это очередная пустая лента, которую Иван бросил рядом, конец которой ударил по сапогу Гаврилова.

Тем временем, пулеметчик с новой лентой устремился значительно правее. Сёма с удивлением обнаружил, что уже набивает вторую ленту, а первая заряженная лежала рядом. За несколько часов тренировок, несмотря на все трудности, он научился набивать ленту не глядя, пальцы автоматически, уже привычно, делали свою работу, при этом глаза смотрели в другую сторону – туда, где строчил пулеметчик. И дальше, ему за спину, где взлетали вверх комья земли, иногда сопровождающиеся ели различным звуком разрыва.

Вторая лента тоже набита и уже снаряжается следующая. Слух так и не возвращается. К ним в окоп сползли два бойца. Один в красноармейской форме, другой в немецкой, попытались ему что-то сказать. Он жестами показал, что не слышит их и не понимает. И продолжил набивать ленту, глядя на них. Солдат в немецкой форме перекрестился, сказал что-то второму и выпрыгнул из окопа в направлении немцев, следом за ним последовал и его напарник. Гаврилов вскочил, чтоб узнать, зачем они поползли в ту сторону и увидеть, что происходит, но тяжелая рука пулеметчика придавила его ко дну окопа. Сёма видел, что тот ему что-то говорит, но не различал звуков. Только слабо слышимые взрывы, будто где-то в отдалении... и звон, заполняющий собой все остальное звуковое пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.